

Как человек, выросший на повторе мелодрам по телевизору, его разум был забит мыслями о безумных схемах и заговорах. Чэнь Мяо Пин осторожно прислонился к Се Юй Чжи и сказал,

«Ах, этот Е Лу Цзюнь Ци выглядит так, словно тайно влюблен во Второго Мастера.»

«Кто?»

Глаза Се Юй Чжи слегка сузились, и на мгновение ему показалось, что он что-то слышит.

«Пятый принц империи Ляо. Он продолжает смотреть на тебя, посылая тебе тайные электрические сигналы.»

Чэнь Мяо Пин был очень уверен в своей оценке.

«Ха,»

Се Юй Чжи был неожиданно спокоен. Он откинул голову назад, чтобы сделать глоток вина. Уголки его рта приподнялись и он спросил с многозначительным выражением на лице,

«Знаешь, почему он на меня смотрит?»

«Я не знаю.»

«Я убил двух его кровных братьев.»

Империя Ляо и Да Цзинь сражались безостановочно, год за годом, день за днем. Старший принц и третий принц оба повели армии на поле боя, только чтобы быть обезглавленными Се Юй Чжи. Когда король скончался, четвертый принц, рожденный от наложницы, боролся за свое право наследовать трон и одержал победу. Однако этот Е Лу Цзюнь Ци был рожден от царицы и, скорее всего, пострадал от правления нового царя. В противном случае, почему ужасная работа эмиссара свалилась на него, когда были лучшие кандидаты?

Чэнь Мяо Пин задумчиво погладил подбородок.,

«Неудивительно, что он так странно на тебя смотрит. Тогда это может быть опасно. Что, если он хочет отомстить Второму Мастеру?»

Се Юй Чжи был совершенно не заинтересован темой разговора и сказал беззаботно,

«Если он хочет отомстить мне, ты тоже станешь мишенью.»

Император, казалось, был не в лучшем состоянии здоровья и только сказал несколько слов, чтобы официально начать банкет, прежде чем уйти. Поскольку его сыновья все еще не были достаточно взрослыми, им было трудно взять на себя ответственность, и поэтому Ли Цинь Ван действовал как надзиратель за банкетом.

Отношение большинства чиновников к эмиссарам можно было охарактеризовать только как сносную вежливость, но Ли Цинь Ван был очень округлым человеком. Поэтому, в отличие от большинства, он смеялся и шутил с Е Лу Цзюнь Ци, даже обменивался и поднимал тосты с алкоголем, казалось бы, проводя время всей своей жизни.

Что-то мелькнуло в глазах Се Юй Чжи, когда он смотрел на эту сцену, и он подсознательно посмотрел на Чан Го Гуна Се Янь Пина. Отец слегка опустил глаза, не обращая внимания на окружающее. Заметив его таким, несколько старых министров почувствовали, что происходит что-то необычное, и их брови нахмурились, думая о том, что может произойти.

Ли Цинь Ван был прямым дядей императора. Хотя он происходил из прямой линии Императорской семьи, он всегда был одет очень просто и держался очень скромно. Для публики все, что у него было, - это благородное имя и репутация человека, которому император полностью доверял. Даже Чэнь Мяо Пин слышал о хорошей репутации этого Ли Цинь Вана. Но для кого-то, чтобы быть идеальной упаковкой, как эта, она действительно казалась слишком совершенной, странным образом.

Чэнь Мяо Пин посмотрел налево и направо и заключил,

«Семья Ли Цинь Вана, безусловно, богатая.»

Се Юй Чжи на мгновение замолчал, а затем поднял брови,

«Почему ты так говоришь? Ли Цинь Ван всегда держался на низком уровне. Даже в его конном экипаже не хватает места для двух человек.»

Чэнь Мяо Пин не ответил, но подумал, просто учитывая, что Чжао Си Сянь, пятнадцатилетний или шестнадцатилетний ребенок, который мог жить только под каблуком своей семьи, небрежно выбросил 6000 гуань, чтобы купить хрустальный кулон для развлечения. Возможность разбрасываться такими деньгами была ненормальной. Особенно по сравнению с Лю Чжэнь Ху, который в прошлый раз потерял 7000 гуань. Посмотри, где он сейчас, все еще лежит в постели после наказания У Ань Хоу.

Но Чэнь Мяо Пин определенно не сказал бы об этом Се Юй Чжи. Если другой узнает, что он продал хрустальный кулон кому-то другому, он никогда не услышит конца. Поэтому он только покачал головой.,

«Могу догадаться.»

Се Юй Чжи сказал,

«Ты можешь догадаться? Если вы действительно были так точны, как вы могли подумать, что Е Лу Цзюнь Ци будет тайно влюблен в меня?»

Чэнь Мяо Пин вздохнул и откинулся на спинку стула,

«Чэнь Мяо Пин знает, что его знания сильно ограничены, и его кисть не может просто написать мир в существование, и у него нет возможности выйти на поле боя и победить. Я не так высок и силен, как пятый принц, так что мысль об этом возникла из-за моей низкой самооценки и неуверенности в себе, из глубины моего сердца.»

Нормальный человек знал бы, что низкой самооценки или неуверенности в себе у Чэнь Мяо Пина вообще не существует. Но Се Юй Чжи верил в это. Он странно посмотрел на Чэнь Мяо Пина и спросил с невинным выражением лица,

«В самом деле?»

Чэнь Мяо Пин закрыл лицо обеими руками, выглядя совершенно подавленным,

«Серьезно.»

Се Юй Чжи не знал почему, но он улыбнулся, а затем отвел взгляд, глядя на танцующих, которые, казалось, летели с грацией,

«Значит, у вас есть ... . вполне себе самосознание.»

В ответ на это Чэнь Мяо Пин отвел руки от лица,

«Каков бы ни был горшок, он подходит к любой крышке. Мы похожи, и мы очень хорошо подходим друг другу.»

Се Юй Чжи прищурился и слегка фыркнул,

«Я знал, что ты притворяешься.»

Они шептались друг с другом, привлекая внимание Се Янь Пина. Его взгляд становился все более напряженным и яростным, пока они продолжали говорить, и торжественным голосом он ругал их обоих.,

«Если ты ешь, то ешь. Если вы пьете, то пейте. Что это с вами, что вы сплетничаете больше,

чем женщины?»

В Се Юй Чжи стреляли, когда он просто сидел там так невинно, и он незаметно бросил свой собственный взгляд на Чэнь Мяо Пина. Он склонил голову перед Се Янь Пином и признал свою ошибку,

«Так учит меня отец.»

Чэнь Мяо Пин тоже последовал за ним,

«Этот зять знает свою ошибку. Это была моя ошибка, так как я впервые пришел на такой банкет. Я не знала многих правил и хотела спросить Ю Чжи, чтобы он продолжал разговаривать со мной.»

Се Янь Пин, видя, как он защищает Се Юй Чжи, чувствовал себя очень довольным и довольным в своем сердце. Так как же он мог придаться к нему? Он подумал, что хотя этот слабый бескостный цыпленок, Чэнь Мяо Пин, и не мог поднять меч, в конце концов, он был не так уж плох.

Пир с его музыкой и танцорами продолжался без перерыва, вплоть до самой темноты ночи, опустившейся на дворец. В конце банкета Королевская супруга Светлости внезапно воспользовалась причиной, по которой она тосковала по своей семье, чтобы попросить милости Его Величества, позволив Се Янь Пину войти во внутренний дворец для воссоединения. Из-за этой встречи Чэнь Мяо Пин и остальные могли уйти только сами.

Идя по длинной-длинной дворцовой дорожке, Се Пин Чжи все время пытался заговорить с Се Юй Чжи, представляя всем окружающим образ того, что он очень уважает своего старшего брата, собирая за его имя очень хорошую репутацию.

Се Юй Чжи ненавидел, когда его использовали для чьих-то целей, и он сказал Се Пин Чжи:

«У меня еще есть дела. Сначала возвращайся со слугами.»

Се Пин Чжи колебался,

«Но, старший брат, в темноте дороги скользкие. У тебя тоже есть инвалидность, так что мы должны вернуться вместе.....»

Видя, что Се Пин Чжи не слушает его, его голос стал ледяным и звучал более ледяным, чем Антарктида, охлаждая всю атмосферу вокруг них,

«Я говорю тебе идти, а ты уходишь. Почему ты говоришь так много бесполезных слов?»

Лицо Се Пин Чжи на секунду стало злобным, а его глаза дернулись, прежде чем лицо стало бледно-белым. Он даже специально посмотрел на Чэнь Мяо Пина, как будто только что пережил величайший необоснованный выговор, а затем ушел после некоторого заикания и колебаний.

Нехорошо было совать пальцы в такой пирог ради семейной драмы. Все это время Чэнь Мяо Пин смотрел на звезды, на луну, которая была высоко в небе, на что-то над его головой в темной черноте ночи. Се Юй Чжи повернул голову и, увидев, что Чэнь Мяо Пин молчит, посмотрел на бесконечную дорогу впереди и спросил:

«Вы думаете, что я очень злая, что я издевалась над ним?»

Чэнь Мяо Пин усмехнулся,

«Как это может быть издевательством? Ты не ударил его и не накричал.»

Чэнь Мяо Пин обычно был быстрым ходяком, но сейчас он намеренно замедлил шаг, идя бок о бок с Се Юй Чжи. Он взял Се Юй Чжи за руку и сказал,

«Мне все равно, если ты его задираешь, но если он задирает тебя, это должно меня волновать.»

Се Юй Чжи остановился в шоке и посмотрел на него очень странно. Однако, повторив это про себя, он улыбнулся. В его голосе звучала теплота, когда он сказал:

«Он не рожден от той же матери, что и я, так что наши отношения, естественно, уже испортились. Прибавьте к этому его честолюбивое сердце и то, что он всегда дрался со мной при каждом удобном случае с тех пор, как мы были детьми, у меня больше нет терпения поддерживать с ним разговор.»

Чэнь Мяо Пин понял,

«Если даже кровнородственные братья и сестры могут иметь ужасные отношения, то как могли два ребенка, которые вылезли из двух разных маток? Но с такими людьми не стоит их провоцировать. В противном случае нужно бить его до тех пор, пока у него не останется ни сил, ни возможности дать отпор. Никогда не знаешь, с какими планами они могут приползти обратно в противном случае.»

«Ты говоришь так, будто у тебя есть опыт. Разве ваша семья такая же, как моя, если у вас есть брат, рожденный от того же отца, но от другой матери?»

«Я?»

Чэнь Мяо Пин указал на себя и рассмеялся как идиот,

«Мой отец не любит меня, и моя мать не любит меня. Те разы, когда я видел свою мать, были не более чем пальцами на моей руке. Где я мог найти братьев и сестер?»

Он сам действительно не верил, что был жалок, но те слова, которые упали на уши Се Юй Чжи, имели такой привкус. Се Юй Чжи опустил руки, и его рукава упали, закрывая руки. В темноте ночи он осторожно взял Чэнь Мяо Пина за руку и тихо спросил его:

«Ты всегда так улыбаешься, как идиот. Вы никогда раньше не чувствовали боли в сердце?»

Чэнь Мяо Пин подумал и сказал,

«Может быть, когда я был молод, но я чувствовал, что это бесполезно. Кто бы ни сделал меня несчастной, я мщу им. Тогда я снова буду счастлива.»

Се Юй Чжи не мог не покачать головой и улыбнулся.

Они оба решили не садиться в карету и вместо этого медленно пошли назад вместе, под пристальным взглядом луны. Они много разговаривали на обратном пути, например, когда Се Юй Чжи было шестнадцать лет и он был вынужден отправиться на поле боя с Чан Го Гоном. Прошлой ночью он спрятался в своей палатке, испуганный и испуганный, тихо плача про себя.

Чэнь Мяо Пин всю свою жизнь был ленив и никогда ничего не делал. С тех пор как он был маленьким, его самой большой мечтой было иметь свой собственный дом и никогда не чувствовать себя чужаком, останавливаясь у кого-то другого. Каждая мельчайшая деталь, каждый маленький момент их жизни открывались друг другу, когда они возвращались в поместье.

Когда они приблизились к своему дому, Чэнь Мяо Пин выглядел так, словно только что что-то вспомнил, и спросил:

«Почему благородный консорт вдруг попросил тестя остаться? Обычно она кажется такой спокойной и послушной. Это не могло быть чем-то срочным, не так ли?»

Се Юй Чжи не ответил прямолинейным ответом,

«Тот, кто зовет моего отца, не обязательно должен быть ею, не так ли? Может быть, это был кто-то другой?»

Чэнь Мяо Пин не понял,

«Хм? Что ты имеешь в виду?»

Се Юй Чжи отпустил его и пошел вперед сам. В его ясных холодных глазах светилась тихая улыбка.,

«Я тебе не скажу. Что бы вы ни предположили, это будет то, что вы хотите.»

Се Юй Чжи не сказал прямо, что во всем этом был более глубокий смысл. Не было такого понятия, как нормальность в делах, связанных с семьей Небес. Чтобы призвать Чан Го Гуна, с силой военной мощи, которой он обладает, что-то должно было назревать под ним. К счастью, Чэнь Мяо Пин по натуре не был любознательным человеком и поэтому не стал продолжать расспросы.

Эмиссары из империи Ляо не спешили уезжать, а через несколько дней даже подарили императору домашний скот и драгоценности, чем очень обрадовали его. В ответ император приказал Ли Цинь Вану показать им образ жизни людей из Да Цзиня. Всякий раз, когда Чэнь Мяо Пин проходил мимо улицы, где находился дом Чунь Сяо в составе его патруля, он всегда мог видеть весь список эмиссаров, толпящихся там.

«Эта группа из Ляо! Их тела несут зловоние мяса, врагов свежих ароматов, в сочетании с действиями насилия и грубости. Все сестры в этом здании могли бы сжечь бесконечный огонь своими разочарованиями и ненавистью из-за них. Ли Цинь Ван - абсолютный ублюдок, каждый день посылающий их всех в дом Чунь Сяо. Неужели мы единственный дом развлечений в этой столице? А вот и Лянь Юн Гэ по соседству! А как же Сюэ Юэ Гоу Лань? Разве на южной стороне нет красивых дам?»

«Ладно, ладно, пойдем, но разве они не могут следовать правилам? Что это за место, по их мнению? Думаешь, они могут просто показывать пальцами и называть имена, требуя встречи с лучшими дамами этого дома? Неужели они думают, что пока у них есть деньги, нет никаких правил, которые они должны соблюдать, и что они могут спать с любой женщиной?!»

Ясным и ранним утром на улицах никого не было, и девушки в домах развлечений не просыпались. Это было просто идеальное время для Чэнь Мяо Пина и его банды, чтобы патрулировать улицы.

Цянь Тун стоял, прислонившись к перилам, и слушал свою старую подругу Руо Юн, выплескивая все свои разочарования, и, похоже, она не собиралась останавливаться в ближайшее время. Она даже не смогла удержаться, чтобы не закатить глаза, даже после всего этого излияния и безразличия к своему образу. По ее лицу и позе было видно, как она презирает этих иностранцев.

Цянь Тун рассмеялся,

«Тогда прячься. Если тебе нужны деньги, найди меня. Не заставляйте себя обслуживать этих

животных. Это должно быть прекрасно после того, как вы спрячетесь на короткое время.»

В ответ Руо Юнь хорошенько промыла ему лицо своей слюной,

«Несколько дней назад я попросила тебя купить мне шпильку, а у тебя даже не было денег, и ты потратила их на алкоголь. Если я буду зависеть от вас, эта старая леди может умереть с голоду! Разве твоя талия не болит от того, что ты целый день стоишь и болтаешь всякую чушь! Пу!»

Чэнь Мяо Пин не знал, что ответить, и только сказал:

«Если они посмеют причинить неприятности, приходите и доложите. Другие люди могут ничего не делать, но я определенно могу попробовать.»

Лицо Руо Юня сразу же изменилось, когда он услышал это,

«Чэнь Да-Жэнь, твои слова так успокаивают. Конечно, в этом и состоит разница между чиновничеством.»

А потом она повернулась, чтобы взять из своей комнаты какие-то закуски, завернутые в промасленную простыню. Она сбросила его с балкона, чтобы бросить на Цянь Туна.,

«Каждый день вы даже не едите нормальной еды, только знаете, как пить алкоголь. Возьми это и катись отсюда как можно дальше!»

«Эк!»

В противоположность тому звуку, который он издал, когда его ударили мешком с закусками, Цянь Тун был переполнен радостью от ее внимания. Всю оставшуюся часть патруля его можно было видеть с идиотской улыбкой на лице, уставившимся на эту сумку. Чэнь Мяо Пин принял все это своими глазами и улыбнулся,

«Если она тебе нравится, накопи на пару лет, а потом иди и отпусти ее.»

Услышав его, Цянь Тун вздохнул,

«Да-Рен, ты не знаешь. Она несет уголовное наказание от своих предков, будучи помечена как неприкасаемая. Ее нельзя отпустить.»

Чэнь Мяо Пин промурлыкал подтверждение,

«Значит, так оно и было.....»

Медленно дрейфуя по озеру, развлекательный корабль поднимал паруса в знак приближающейся ночи. Певцы и музыканты пели и играли свою музыку на носу кораблей, легко взывая к желаниям и мечтам людей, в то время как звуки распространяли свои нежные и сладкие мелодии далеко. Но то, что должно было быть обычной шумной ночью в доме Чун Сяо, вместо этого было наполнено напряжением и холодом.

«Просто проститутка из борделя. Какой смысл обозначать разные уровни между проститутками? Как царственный пятый принц империи Ляо, могу ли я даже не иметь женщины?»

Е Лу Цзинь Ци хлопнул по столу и выхватил из-за пояса меч, размахивая им перед старой мадам, которая в страхе прижималась к полу,

«Вы говорите, что они не могут принимать клиентов, но я только что видел, как в ее комнату вошел мужчина. Сегодня ты либо позволишь госпоже Сюэ И выйти и сопровождать меня, либо отправишь этого человека прямо сюда, прямо сейчас!»

Какая-то дама быстро вышла вперед, чтобы помочь старой мадам встать. Мадам прижимала платок к груди и делала вид, что очень спокойна, когда объясняла:

«Есть правила, которым нужно следовать. Сюэ И - поэтическая девушка. Если она нравится пятому принцу, ты должен уговорить ее полюбить. Вот как вы можете стать избранным. Я управляю этим домом Чун Сяо уже более десяти лет, и туда приходили и уходили многочисленные чиновники и министры. Я никогда не видел такого человека, который своим авторитетом нарушает правила!»

А потом она посмотрела на Ли Цинь Вана.,

«Ван-Е, пожалуйста, говори разумно. Неужели этот слуга солгал?»

Ли Цинь Ван медленно погладил бороду, и выражение его лица было бесстрастным, когда он говорил,

«Они гости издалека и к тому же важные. Принц Е Лу-очень важный член эмиссаров, к которому Его Величество специально просил относиться с уважением. Попросить госпожу Сюэ И сопровождать его-это не так уж и важно.»

Старая мадам почувствовала, как у нее разрывается сердце, зная, что этот старый лис не хочет вмешиваться в этот вопрос. Она могла только проклинать, как змеи и мыши живут в одной темной норе, как воры и бандиты приходят из одного дома. Но несмотря ни на что, она по-прежнему твердо стояла на том, чтобы не позволить Сюэ И спуститься.

Сюэ И пряталась в своей комнате, и ее глаза, казалось, горели внутренним огнем. Она стиснула зубы, как будто наконец приняла решение и уже собиралась выйти, когда ее преградил мужчина ученого вида.,

«Нет! Ты не можешь выйти! Если вы это сделаете, что эти животные сделают с вами ... .»

«Но я никогда не смогу просто не заботиться об остальных моих сестрах в этом месте!»

Сюэ И сбросила его и открыла окно,

«Эти люди из Ляо преграждают дорогу внизу, и они узнают тебя. Здесь не слишком высоко, так что иди. Быстро прыгай, убегай и никогда не возвращайся!»

Мужчина не хотел уходить, но Сюэ И была в безумной панике и ударила его, чтобы заставить двигаться,

«Я использовала все, что у меня было, чтобы способствовать твоей учебе, чтобы ты достиг высокого ранга, для чего? Все для того, чтобы ты сделала что-то, чтобы отплатить стране, чтобы не дать тебе умереть под клинками этих собак Ляо! Уходи сейчас же! Если ты не уйдешь, я умру прямо здесь, у тебя на глазах!»

Глаза мужчины покраснели, и он сурово крикнул:

«Сюэ И!»

Сюэ И больше ничего не могла сделать,

«Иди! Беги скорее. Найдите инспектора городского смотрителя Чэнь Да-Жэня. Возможно, он сможет спасти меня. Но если это невозможно, то такова моя судьба. Иди, иди сейчас же!»

Чэнь Мяо Пин уже возвращался домой после окончания своей смены, которая была позже обычного, так как он был очень занят, разбираясь со многими инцидентами, вызванными прибытием иностранцев Ляо. Он никак не ожидал увидеть растрепанного человека, бегущего прямо на него в темноте ночи. Чэнь Мяо Пин не мог сказать, парень он или девушка, так как все его волосы были в беспорядке. Это было также ужасающее зрелище, когда темный и странной формы человек бежал прямо на него, выходя из темноты.

В это время ночи колокол, чтобы очистить улицы, уже прозвенел, так что, за исключением оживленного ночного района на Пин-Канг-роуд, по улицам никто не должен был ходить. Сам Чэнь Мяо Пин очень боялся призраков, и при виде этой фигуры у него упало сердце, и он ускорил шаги, чтобы двигаться быстрее.

Но этот человек позади него увеличивал свою скорость, чтобы соответствовать скорости Чэнь Мяо Пина. Когда Чэнь Мяо Пин обернулся, чтобы посмотреть, его разум отключился, за исключением "Мамочка!", звенящего в ушах, и его сердце начало биться так, как будто оно вырывалось из него. Он проигнорировал все логические мысли и просто бежал, спасая свою жизнь.

Примечания:

*1 неприкасаемые: Для большинства династий (как всегда, много различий между династиями) те, кого называют неприкасаемыми, не считаются нормальными гражданами. Считается, что они имеют более низкий статус, чем обычный гражданин, и обычно не могут жениться на нормальном гражданине или на ком-то более высоком, почти как слуга, но даже меньше, чем слуга. У них есть много ограничений, таких как классификация/название передается из поколения в поколение и не может быть изменено. Они не могут участвовать в экзаменах, не могут быть чиновниками, не могут владеть землей, никогда не могут начать новую жизнь. Обычно этот статус присваивается тем, кто поддерживал не ту сторону до того, как император унаследовал трон (так же, как и во враге), или тем, кто выступал против императора/совершал гнусные преступления против Императора (и государства) (но опять же, зависит от династии).

Хмм... Сейчас я перевожу ближе к самому концу тома, и за исключением некоторых особых моментов для незначительного клиффхангера, подобного этому, этот том, кажется, решает большую часть конфликта в одной главе. Так что, возможно, никаких предупреждений не будет, но мы посмотрим, что думает Плам, так как именно на этом я всегда основываюсь (Никогда не могу доверять своему собственному суждению (●'▼'●)⁺)

Надеюсь, у вас были отличные выходные и хорошее начало вашей недели!

<http://bllate.org/book/17367/1628911>